

У 1920–1930-я гг. абрадавыя тэкстыльныя прадметы збіралі таксама айчынныя музеі. У Беларускі дзяржаўны музей у 1923 годзе з экспедыцыі ў Слуцкі павет з вёсак Сяргеява, Хоцячы, Шацк былі прывезены фартушкі і ручнікі-«ахвяры» з надмагільных і царкоўных крыжоў – усяго 185 адзінак. Аб гэтым сведчыць інвентарная кніга Беларускага дзяржаўнага сацыяльна-гістарычнага музея ў Мінску¹ за 1934 год, дзе гэтыя экспанаты запісаны пад № 5247–5432. Здзіўляе вялікая колькасць прадметаў, якія былі сабраны за адзін раз. Магчыма яны былі прывезены сумеснай экспедыцыяй музея і Інстытута беларускай культуры, якая збірала экспанаты для арганізацыі экспазіцыі народнага побыту Беларусі на Усесаюзнай сельскагаспадарчай і саматужна-прамысловай выстаўцы ў Маскве ў 1923 год. У экспедыцыях тады прымалі ўдзел супрацоўнікі Інбелкульту Дз.Жылуновіч, А.Шлюбскі, М.Мялешка, мастак М.Філіповіч [2, с. 85].

На вялікі жаль, выявіць гэтыя экспанаты ў зборы Нацыянальнага гістарычнага музея Рэспублікі Беларусь не ўдалося. У яго калекцыі разам з тым ёсць іншыя тэкстыльныя прадметы рытуальнага прызначэння пачатку XX ст. з в. Дзмітрыевічы Камянецкага раёна Брэсцкай вобласці – фартушкі з распяццяў на крыжах, датаваныя [3, с. 440–441]. Яны зроблены з васьмінітовай лянной ручніковай тканіны тыпу «дымка». Два з іх аздоблены чырвонымі палоскамі (кп 33714 т 814, кп 33715 т 815), трэці мае па нізе нескладаную вышыўку крыжыкам (кп 33716 т 816).

Агляд музейных збораў сведчыць пра тое, што тканіны рытуальнага прызначэння ў канцы XIX – пачатку XX ст. прыцягнулі ўвагу беларускіх, расійскіх і польскіх даследчыкаў культуры Беларусі. У выніку ў музеях прадстаўлены тры тыпу тканін: абыдзённыя, аброчныя і надмагільныя. Трэба адзначыць, што аброчныя фартушкі і ручнікі, якія былі знятыя з прыдарожных і надмагільных крыжоў, маюць невялікія памеры, паўтараюць форму сапраўдных жаночых фартухоў, зроблены з ужываных прадметаў жаночага адзення (наміткі, фартухі) ці ручнікоў, а ў адным выпадку – з дзіцячых пялюшак, пераважна з саматканай, але таксама і з крамнай тканіны. Адметнай рысай усіх гэтых прадметаў з’яўляецца тое, што пераважна яны зроблены на хуткую руку.

Каштоўнасць музейных прадметаў і іх этнаграфічных апісанняў заключана ў крыніцазнаўчай важнасці гэтых матэрыялаў для даследавання рытуальнай практыкі жаночага абракання, якую па нашым перакананні трэба лічыць адной з грунтоўных складнікаў традыцыйнай культуры беларусаў. Намі на працягу больш трох дзесяцігоддзяў праводзіцца фотафіксацыя аброчных і надмагільных крыжоў, запісваюцца нарратывы аб аброчнай практыцы ад носьбітаў традыцыі – вясковых жанчын. Параўнанне сучаснай дакументацыі аброчнага рытуалу з музейнымі артэфактамі дазваляе зразумець дынаміку механізму змен ў семантыцы і формах традыцыйнай культуры.

Матэрыялы экспедыцый, у тым ліку апошніх гадоў, сведчаць пра трывалую захаванасць на Беларусі аброчнага рытуалу, яго традыцыйна жаночы характар, нязменнасць ужывання менавіта тэкстыльных аброкаў у выглядзе спецыяльна падрыхтаваных на хуткую руку фартушкоў. Разам з тым, відавочна пашырэнне відавочнай разнастайнасці аброкаў. Сёння ў абракальным рытуале ўжываюцца разнастайныя тэкстыльныя прадметы: хусткі, ручнікі ўласнага вырабу і прамысловай вытворчасці (нават махровыя ручнікі), адрэзы крамнай тканіны, у тым ліку парц’ернай і цюлю, капронавыя стужкі, штучныя кветкі яскравых колераў. Аброчны рытуал, які дайшоў да нашага часу, патрабуе свайго грунтоўнага даследавання.

Спіс літаратуры:

1. Лобачевская, О. Ритуал в повседневности войны об архаической ритуальной практике в годы Второй мировой войны в Беларуси / О. Лобачевская // Homo historicus 2009: Гадавік антрапалагічнай гісторыі / пад рэд. А.Ф. Смаленчука. – Вільня : ЕГУ, 2010. – С. 43 – 53.
2. Лабачэўская, В.А. Беларускія народныя тканіны і арнамент: да гісторыяграфіі вывучэння, музейфікацыі і выставачнай рэпрэзентацыі ў 1920-я гады / В.А. Лабачэўская // Весці Нац. Акад. навук Беларусі. Сер.гуманіт. навук. – 2012. – № 2. – С. 84 – 90.
3. Lebednykaitė, M. Šventadienės prijuostės lietuvos kultūroje. XIX a. – XX a. pirmoji pusė : doktaro disertacija / M. Lebednykaitė. – Vilnius : Vilniaus Dailės Akademia, 2013. – S. 425 – 442.
4. Śnieżeńska-Stolot, E. Stanisław Cercha (1867–1919). Etnografowie i ludoznawcy polsce: sylwetki, szkice biodrafczne / E. Śnieżeńska-Stolot. – Wrocław –Kraków, 2002. – T. I. – S. 26 – 37.

Юрий Бундин

ПРАЗДНИК И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Реалии глобализирующегося мира диктуют потребность дальнейшего осмысления проблем национальной идентичности и выработки системы надежных мер по ее формированию. Национальная идентичность, прежде всего – важнейшее средство легитимации политической власти и создания необходимых

¹ Зборы гэтага музея знаходзяцца ў Нацыянальным гістарычным музеі Рэспублікі Беларусь. Там жа знаходзіцца згаданая інвентарная кніга.

предпосылок существования национального государства. Осуществление реальной демократии правового государства возможно только на предварительном условии наличия национального единства.

Идентичность – один из основополагающих механизмов личностного освоения социальной действительности. В соответствии с субъективно определяемыми идентификациями человек организует и направляет свое поведение. Идентификация с большой социальной общностью служит катализатором массового поведения и социального действия. Идентичность как осознанное самоопределение социального субъекта базируется на трех основных потребностях человека: потребности в принадлежности, потребности в позитивной самооценке и потребности в безопасности. Формирование идентичности предопределяет такую интериоризацию традиций, обычаев, норм и ценностей, когда индивид уже не отделяет себя от группы, воспринимает происходящее как имеющее отношение не к нему лично, а к определенному «мы». В общественной практике индивида идентичность реализуется в формах солидарности с группой и обязанностей «поддерживать своих». Ослабление и разрыв идентичностей преобразует повседневное окружение человека в чужой, непонятный и зачастую враждебный мир. В условиях социальной неустроенности значительных масс населения и острой потребности в защищенности со стороны государства национальная идентичность становится универсальной формулой ответа на вопрос о смысле существования и социального действия.

Потребности в идентичности коренятся в коллективном бессознательном, а их формирование восходит к архаическим временам. Согласно антропо-социо-культурной концепции происхождения человека, его выживание и последующее развитие в противостоянии с силами природы обеспечивалось благодаря переходу к новому, внебиологическому и более сложному, чем биогенетический, способу организации своего бытия. Определяющую роль в этом сыграло изобретение искусственного способа передачи из поколения в поколение поведенческих программ, компенсирующего утрату генетически инстинктивного способа их кодирования и трансляции [4, с. 206-209].

«Двигателем прогресса» стали архаические охотники, те группы людей, которые занимались облавной охотой на крупного зверя, поскольку она требовала от людей тех качеств, которые не были даны им генетически, а именно – применения орудий и коллективных согласованных действий, включая способности проектировать результаты и способы данных не инстинктивных действий, опирающиеся на познающее реальность мышление и творческое воображение.

Цикличность жизни древних охотников определялась результатами облавной охоты на крупного зверя. В случае неудачи племя обрекалось на голодную смерть. Поэтому каждая удачная охота символизировала победу жизни над смертью и требовала соответствующего организационного обеспечения, позволяющего реализовать человеческое в человеческом – способность объединять усилия на путях достижения общей жизненно важной цели. Именно на этой основе зародилась и получила развитие первая древнейшая синкретическая форма человеческой культуры – праздник.

Возникнув на основе общей трапезы – определившейся в последующем функциональное предназначение праздничного застолья – праздник наполнился совокупностью взаимосвязанных общей целью совместных действий, обрядов и ритуалов, призванных актуализировать коллективистские начала группы как целостного социального субъекта, обеспечивающего жизнь отдельным, входящим в него индивидам. Именно в ходе праздничных коллективных действий вырабатывалась, закреплялась в психике человека и удовлетворялась потребность в идентификации – принадлежности, безопасности и позитивной самооценке, чисто человеческая потребность единения группы, как совокупного целого, обладающего интегративным качеством обеспечения «победы жизни над смертью», вырабатывались, развивались и закреплялись потребности в социальной коммуникации, социальной регламентации, социальной регуляции и социальной организации.

Совместное выражение коллективных переживаний и совместное проживание жизненно важных с точки зрения выживания группы событий, процессов и ситуаций на эмоциональном фоне праздничной радости формировало и закрепляло на уровне коллективного бессознательного основные архетипы человеческого общежития и поведения в группе.

Процессы нацистроительства и формирования национальных идентичностей во вновь образованных государствах СНГ протекали в условиях наследия советской национальной политики, в которой, по мнению авторитетных ученых, изначально было заложено глубокое противоречие: преследуя стратегическую цель стирания этнических различий на путях построения новой исторической общности – советского народа, руководство страны стимулировало становление национального самосознания, навязывая этничность в союзных и автономных республиках [1, с. 116].

В Российской Федерации вопрос сочетания этнического многообразия и политического единства «россиян» оказался весьма сложным. Помимо исторического прошлого, в условиях перехода к новому экономическому укладу и связанных с ним поистине тектонических сдвигах в общественном сознании активно заявила о себе не только этническая, но и региональная, конфессиональная и корпоративная идентичность.

С другой стороны, открытость российского общества и объективная потребность экономического развития обусловили активное воздействие на формирование российской идентичности процессов глобализации с их активными интеграционными и коммуникативными составляющими. Россия, как и многие другие национальные государства, испытала угрозу утраты статуса суверенного субъекта мировой политики, экономики и культуры.

Следует признать, что сегодня, в условиях «открытых обществ», человек оказался «на границах» множества социальных и культурных миров, контуры которых все больше «размываются». Переживая свою принадлежность к пересекающимся культурным пространствам, он становится носителем множественной идентичности, с одной стороны, и, с другой, переживает кризис национальной идентичности, чреватый потерей своей самоидентичности, утратой упорядоченности представлений о себе и своем месте в картине мира. Национальная идентичность подвергается качественным изменениям под прессом нарастающего полилога культур.

Кризис национальной идентичности неминуемо делает население страны восприимчивым к различного рода политическим манипуляциям, в том числе со стороны заинтересованных внешних сил, направленным на подрыв политического единства и территориальной целостности. Характерными примерами новейшей истории постсоветского пространства являются так называемые «цветные революции». В этих условиях сохранение национально-культурной самобытности выдвигается в число необходимых условий позиционирования государства в мире как суверенного субъекта. Национальная идентичность и культура в целом становятся элементами национальной безопасности, поскольку с их разрушением де-факто исчезает и сама нация.

При рассмотрении проблем формирования национальной идентичности в государствах с полиэтничным населением, необходимо учитывать взаимовлияние этнокультурного разнообразия, наличие, наряду с общенациональной, множества этнических идентичностей населяющих страну народов. В политической лексике, а зачастую и в научной литературе понятия национальной и этнической идентичности иногда трактуют как синонимы. И отчасти этому есть исторические основания в случаях моноэтнической нации, когда нация определяется как государственная форма этнической общности людей. В целом же, следует отметить принципиальные различия между национальной и этнической идентичностями, которые базируются на понятиях нации как политико-правовой категории, означающей государственную принадлежность индивида, и этноса как историко-культурной категории, связанной с определенным ландшафтом и определенным генотипом. Национальная идентичность в отличие от этнической предполагает наличие определенной ментальной установки, ощущения индивидом своей принадлежности к крупному социополитическому образованию, а не «зову крови». В этой связи национальная идентичность является посттрадиционной.

Для России характерно диалектическое единство данных идентичностей во всем многообразии проявлений их взаимовлияния. Полем их взаимодействия на путях «единства разнообразия» выступает культура. Именно культура формирует у людей чувство принадлежности к определенной общности, то есть чувство идентичности. Как не существует человека вне культуры, так и нет культуры вне ее носителя, нет культуры, которая была бы ничьей, не существует так называемых «общечеловеческих ценностей». Парадигма приоритета общечеловеческих ценностей над интересами личности, общества и государства – этакий «культурный фантом», навязанный в свое время советскому обществу, фактически вывела культуру из-под влияния государства и общества и привела к нейтрализации ее роли в системе политических практик. Красноречивым свидетельством современных последствий этой ситуации являются горячие дискуссии вокруг проекта основ государственной культурной политики и проекта закона о культуре.

Поэтому, говоря словами К.С.Станиславского, «сверхзадачей» государственной политики в сфере культуры должно стать формирование национальной идентичности. А одним из системообразующих элементов культурной политики - гармонизация различных идентичностей – этнических, региональных, конфессиональных, корпоративных, с одной стороны, и общенациональной идентичности, с другой, обеспечивающей целостность российского общества как политического субъекта.

Сегодня в Российской Федерации государственная политика в сфере культуры подразумевает целенаправленную деятельность органов государственной власти и общественных институтов, направленную на поддержку, сохранение и развитие всех отраслей культуры, всех видов творческой деятельности граждан России и формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей. Она направлена на повышение гражданского самосознания, готовности и способности людей к активному участию в процессах общественного развития, и фактически, в конечном счете, на укрепление национальной (гражданской) идентичности [6].

Именно необходимость преодоления межведомственных, межуровневых и межрегиональных противоречий по вопросам культурного развития в условиях неравномерного социально-экономического положения регионов, полиэтничности и поликонфессиональности российского общества обусловила повышение статуса государственной культурной политики до общенационального уровня. Утверждение приоритета культуры призвано обеспечить способность общества к гражданскому единству, к определению и достижению общих целей развития.

Возведение культуры в ранг национальных приоритетов свидетельствует не только о признании ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, но и гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России, обеспечения суверенитета и национальной безопасности.

На протяжении всей российской истории именно культура сохраняла, накапливала и передавала новым поколениям духовный опыт нации, обеспечивала единство полиэтничного населения России, воспитывала чувства патриотизма и общенациональной национальной гордости, укрепляла авторитет страны на международной арене.

С начала формирования Московской Руси все народы, кто раньше, кто позднее вошли вместе со своими территориями в состав России и испытали на себе ее культурное влияние в указанном выше, самом широком смысле этого слова.

Ареал совместного проживания различных этносов выступил объективным процессом межэтнической интеграции на путях формирования единой нации. Здесь и межэтнические браки, и религиозные ориентации, и языковые заимствования. Особое значение приобрела художественная культура в целом и искусство, в частности. Именно искусство, которое, следуя Гегелю, призвано опредметить духовный мир, сделать его коммуникативным, в силу своей природы и особых возможностей воздействия на человека выступает сегодня действенным средством межэтнической интеграции на путях формирования национальной культуры и механизмов национальной идентичности.

Важнейшую роль для формирования национальной идентичности играет сохранение, укрепление и развитие единого культурного пространства страны. Помимо создания необходимых для этих целей законодательных, организационных и финансовых механизмов развития межрегионального и межмуниципального культурного сотрудничества и взаимодействия, повышается значение развития общегосударственной инфраструктуры культурной деятельности, создания благоприятной культурной среды в удаленных регионах, в малых городах и сельских поселениях, обеспечивающих равную реализацию конституционных прав граждан на доступ к культурным благам, включая создание клубной сети киноvideопоказа, развитой сети театральных, концертных, выставочных залов, системы гастрольно-выставочной деятельности, развития книгоиздания и книгораспространения, совершенствования инфраструктуры чтения, использования цифровых коммуникационных технологий для обеспечения доступа граждан к культурным ценностям независимо от места проживания.

Другими словами, всех тех учреждений культуры и культурных практик, на которые с успехом можно распространить известное выражение великого немецкого гуманиста Томаса Манна, сказанное им применительно к театру как социокультурному институту, который «превращает толпу в народ». Именно сеть учреждений культуры, включающая объекты культурного наследия, поддерживающая и развивающая нематериальное культурное наследие, обеспечивающая актуальное состояние культуры и искусства – театры и концертные площадки, кинотеатры, музеи и выставочные залы, библиотеки и система книгоиздания, включая литературные журналы, создают особую духовную среду обитания, которая и превращает население страны в нацию, обеспечивает его гражданскую идентичность.

Создание эффективно функционирующей системы учреждений культуры и искусства на путях формирования национально-культурной идентичности требует соответствующего кадрового обеспечения, с одной стороны, и развития системы культурно-просветительской работы, с другой. Чтобы искусство эффективно решало свои задачи репрезентации внутреннего и внешнего мира, являясь, с одной стороны, формой опредмечивания внутреннего мира человека, и с другой – формой духовного освоения внешнего мира, человек должен не только смотреть, слушать и читать, но и видеть, слышать и понимать просмотренное, прослушанное и прочитанное. Данное обстоятельство требует особого внимания к сфере образования, сфере семьи и досуга. Не останавливаясь на этом вопросе подробно, ибо он выходит за рамки заявленного доклада, отметим, что основы национально-культурной самобытности закладываются уже на этапе социализации детей, то есть усвоения ими элементов культуры, социальных норм и ценностей, на основе которых формируются социально значимые черты личности, не только в школе, но и в семье, во дворе, в сфере досуга и увлечений.

Говоря о системе культурных практик формирования национальной идентичности, следует специально остановиться на месте и роли социокультурного феномена праздника, и, в целом, общегосударственного праздничного календаря. Заглянув в недавнее прошлое нетрудно видеть какую огромную роль в формировании советской идентичности играли массовые праздники, как собственно политического и военного характера, так и особенно праздники дружбы народов, призванные интегрировать множество национальных культур в единую советскую культуру.

Реализуя свои социальные функции, праздник выступает как синкретическое единство традиций, ритуалов, обычаев, зрелищ, обрядов, игр, торжеств, карнавалов и т.д. Особенность праздника как древнейшей формы духовной культуры, в том, что во время своей самореализации он воспроизводит своеобразную организацию социальной группы со своими функциями и задачами. Празднования общенациональных, общенациональных торжеств небольшой социальной группой является подтверждением того, что празднующая группа индивидов принадлежит данной общности. При этом сущность праздника заключается в самосохранении социальной группы, а качественным отличием его является обязательное коллективное действие. Механизмом обеспечения целостности группы выступает коллективная суггестия, воздействующая на физическое и психическое состояние членов коллектива.

Механизмы праздничной связи группы и индивида проявляются в обязательном участии индивида в коллективных ритуально-обрядовых мероприятиях, в «канализации» негативной энергии индивидов, в общем консолидирующем смехе, в физическом контакте тел (телесности праздничных мероприятий), в запрете на будничные формы деятельности во время праздника, отказе от социальных статусов и ролей.

Как справедливо отмечают исследователи праздничной культуры, праздник как особый социодуховный феномен «соединяет людей узами общности, порождает чувство коллективности. На празднике люди, более

чем где-либо ощущают свое единство и общность, открыто демонстрируют себя и в таком качестве видят других» [2, с. 43-48].

Общенациональный праздник выступает формой консолидации индивидов, вытекающим из принадлежности к группе, живущей по определенным государством правилам и определенному календарю. Участие в общенациональном празднике фактически входит в комплекс гражданских обязанностей, и часто принимает форму долга перед группой. Гражданин, игнорирующий национальный праздник своей страны, может подвергнуться остракизму за отсутствие лояльности к государству и его идеалам.

В национальной, политической и общественной жизни личность, участвуя в празднике, демонстрирует в этот день свою привязанность, верность, готовность к защите идеалов и, прежде всего, неразрывную связь с празднующей группой, солидарность с нею. Ценности, которым отдаются почести во время праздника, призваны определять весь ход дальнейшей жизни социума, должны интериоризироваться празднующими людьми.

Интересны, в этой связи мотивы участия в городских праздниках в Петербурге большого количества представителей бывших советских республик, приехавших в город на заработки. По отзывам организаторов праздничных гуляний, в ряде случаев именно они составляют большинство присутствующих и активно участвующих в праздничных действиях. И за этим четко просматривается желание влиться в российскую культурную среду, отождествить себя с гражданами России, приобрести де-факто российскую национально-культурную идентичность.

Решая задачи формирования национальной идентичности, праздник реализует комплекс социальных функций: коммуникативную, идеологическую, воспитательную, компенсаторную, рекреативную, интегративную и другие. В своей сущности, праздник служит обновлению и усилению групповых связей, напоминает и подчеркивает ценности, служит объединению, а также искуплению, удовлетворению, дает повод для радости и эмоциональной разрядки, «перезагрузки» духовного мира. Именно здесь в наибольшей степени проявляется интегративная функция праздника, которая стимулирует групповую консолидацию, способствует самоидентификации членов группы, общества, организуют совместную жизнедеятельность людей. Таким образом, праздник сохраняет и укрепляет национальные традиции, способствует не только объединению, но и сохранению и существованию группы как таковой. В современной многонациональной России именно государственные праздники способствуют сплочению полиэтничного и поликонфессионального населения в единую нацию, утверждают его, населения гражданскую идентичность.

В свете изложенного трудно переоценить значение праздничного календаря, определяющего перечень и характер общевыходных (нерабочих) праздничных дней в году. В полиэтничном и поликонфессиональном обществе такой календарь должен гармонично сочетать собственно государственные праздники и праздники, подчеркивающие этническую и конфессиональную идентичность как неотъемлемые составляющие национально-культурной идентичности. В этой связи можно привести характерный исторический пример – праздничный календарь СССР 1926 года, построенный с учетом роли православия в жизни России.[3] В нем из общего числа 14 праздников, 1 праздник – 1 января – Новый год был общегосударственный и общенародный, 6 праздников - так называемые революционные дни (6 нерабочих дней) носили политический характер [5], и 8 праздников, подразумевавших 9 нерабочих дней были церковными [7]. Такое вдумчивое отношение к общегосударственному праздничному календарю существенно повышало его роль в укреплении национального единства и гражданской солидарности, формировании национальной идентичности народов молодого пролетарского государства.

Любой праздник – это всегда обращение к первоистокам жизни, к первоакту творения, к инструментарию мифопоэтического осмысления мироустройства в стремлениях прочувствовать и познать трансцендентные основы бытия. Массовое празднество, являясь коллективной формой поведения, пробуждает в человеке древнее бессознательное, восходящее к архаическим временам, когда выживание человека обеспечивалось исключительно благодаря совместным коллективным действиям. «Праздничный прорыв» коллективного бессознательного в индивидуальное сознание побуждает человека к коллективным формам жизнедеятельности и, соответственно, «очищению» человеческих взаимоотношений.

Актуализация коммуникативных архетипов в нем достигается путем организации совместного (коллективного) исполнения людьми праздничных действий – шествий, митингов, скандирования речитативов, танца, пения, трапезы, состязаний, и при условии всеобщего равенства - снятия социальных статусов и ролей. Таким образом, возникает человеческая совокупность, обладающая психической общностью, в которой доминируют не идеи-понятия, характерные для индивидуального мышления, а идеи-образы, опирающиеся на иррациональные глубины психики и вызывающие к коллективной памяти. Коммуникационные технологии празднующих людей используют энергичный и образный язык аллегорий, метафор и символов в совокупности с простыми речитативами, сведенными к формуле. Часто и долго повторяемые, они захватывают воображение, воздействуют на глубинные пласты психики и автоматически запускают праздничное поведение. Именно этим определяются особое место и роль в пространстве праздника произведений народного художественного творчества – устного, песенного, музыкального, танцевального, игрового. Именно в них зафиксированы культурные коды совместного бытия, определяющие «душу» народа, как целостного социального механизма.

Уникальность народного художественного творчества заключается в том, что, не смотря на этническое разнообразие его форм, в нем заключено единое, «всечеловеческое» содержание, выражающее основы

совместного бытия. Именно поэтому этническая полифония пространства общенационального праздника задействует психические механизмы гражданской солидарности. В свете изложенного, фольклор и народное художественное творчество в целом требуют целенаправленной поддержки со стороны государства, как один из действенных механизмов формирования национальной идентичности. Не случайно в Основах государственной культурной политики в Российской Федерации задача сохранения этнических культурных традиций и поддержка основанного на них народного творчества, сохранение этнокультурного разнообразия как одного из значимых источников профессиональной культуры и важной составляющей этнонациональной идентичности определена в качестве одной из приоритетных [6].

Список литературы и комментариев:

1. Ачкасов, В.А. Этнополитология : учебник / В.А. Ачкасов. – СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2005.
2. Бурменская, Д.Б. К вопросу о роли праздника в жизни общества / Д.Б. Бурменская // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради. – СПб. : Кн. дом, 2008.
3. День за днем : ежедневник 1926 года // <http://www.improvement.ru/zametki/new/collection26062012.htm>;
4. Культурология : учебник для бакалавров / под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. – М. : Юрайт, 2012.
5. Политическими праздниками (революционными днями), объявленными выходными в 1926 г. были: 22 января – День 9 января и День памяти вождя пролетариата В.И.Ленина; 12 марта – День низвержения самодержавия; 18 марта – День Парижской коммуны; 1 мая – день Интернационала; 4 июля – День Конституции СССР; 7 ноября – День пролетарской революции.
6. Об утверждении Основ государственной культурной политики : указ Президента Рос. Федерации от 24 дек. 2014 г. № 808.
7. Церковными праздниками, объявленными выходными днями в 1926 году были: 1 мая – Страстная суббота; 2-3 мая – Пасха; 10 июня – Вознесение; 20 июня – Троицын день; 21 июня – Духов день; 18 августа – Успение; 25-26 декабря – Рождество) были церковными (на 1 мая выпали 2 праздника: День Интернационала и Страстная суббота).

Людмила Домненкова

НАРОДНЫЙ КРОЙ ВЕРХНЕЙ ОДЕЖДЫ БЕЛОРУСОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПУТЕЙ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОРТНОВСКОГО РЕМЕСЛА

К настоящему времени хорошо изучен и представлен значительным числом аутентичных образцов традиционный костюм белорусов XIX- начала XX веков. Уже простое рассмотрение типов кроя верхней одежды указывает на менее сложные и более сложные конструкции, что, несомненно, отражает уровень совершенствования портновского ремесла. Поскольку верхняя одежда обычно шилась на заказ или приглашенным мастером, то можно говорить об определенных навыках и наличии образцов, на которые ориентировались портные. Распространению того или иного типа одежды в сельской и местечковой среде способствовало знакомство с культурой шляхты, в которой находило отражение и развитие европейской моды и кроя. Ряд исследователей указывают, что взаимодействие шляхетской и крестьянской культуры было более сильным, чем это можно предположить [1, с. 177-178].

Постепенное вхождение и адаптация элементов аристократического костюма в народную среду подтверждается многими фактами. Это распространение новых видов одежды и новых терминов: андарак, саян, конструкций, например, поликового кроя сорочки, технологии пошива.

В этом ключе традиционная верхняя одежда белорусов представляет определенный интерес, поскольку может дать дополнительную информацию и как об особенностях развития кроя шляхетского кунтушового строя, так и о характере формирования народной культуры, ее взаимодействии с элитарными слоями. В пользу этого утверждения может служить и тот факт, что среди множества названий народной верхней одежды можно встретить и термины, которые явно пришли из шляхетской среды.

Следует учитывать, что верхняя одежда, как в городе, так и на селе заказывалась у мастера, имевшего специальные профессиональные навыки, что также способствовало распространению определенного типа конструкций в разных социальных группах. Выбор конструкции определялся требованиями заказчика, практическим назначением изделия.

У белорусов верхняя одежда всегда была показателем достатка в семье, успешности хозяйствования, достойного положения в сельском обществе. Прекрасным подтверждением этому могут служить фотографии этнографов начала XX века, когда в группе одетых в праздничную одежду крестьян, женщины убраны соответственно легкой поре, а мужчины стоят в кожах, свитках, меховых или валяных головных уборах, сапогах [2, ф.108,109, 236]. Признаком обеспеченности было и изготовление верхней одежды из дотканых высококачественных материалов, окрашенных в темные цвета.

Согласно этнографическим данным в крое верхней одежды выделяют четыре основных типа: халатообразный, с подрезными бочками, с отрезной спинкой, с фигурными рельефами. Отмечается и достаточное количество переходных форм [5, с. 77]. Основу кроя всех частей составляет прямое полотнище